

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ПАРТНЕРСТВО С КЫРГЫЗСТАНОМ

КЫТАЙДЫН БОРБОРДУК АЗИЯГА КАРАТА РЕГИОНАЛДЫК САЯСАТЫ ЖАНА КЫРГЫЗ-КЫТАЙ ШЕРИКТЕШТИГИ

CHINA'S REGIONAL POLICY IN CENTRAL ASIA AND PARTNERSHIP WITH KYRGYZSTAN

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам международной политики КНР в Центральной Азии и сотрудничеству с Кыргызстаном в рамках инициативы «Один пояс – один путь». В работе рассматривается понятие китайского регионализма, специфика международной политики Китая, роль Китая в Центральной Азии. Раскрываются особенности взаимоотношения КНР с центральноазиатскими республиками в торговом, экономическом и политическом отношениях.

Ключевые слова: Глобализация, регионализм, Инициатива “Один пояс – один путь”, Китай, СУАР, Центральная Азия, Кыргызстан, «сообщество единой судьбы», периферийная дипломатия, Конфуцианство, политика «марш на запад», Экономический пояс шелкового пути

Аннотация. Бул макала Кытайдын “Бир алкак - бир жол” демилгесинин алкагындагы Борбордук Азияга карата саясаты жана Кыргызстан менен кызматташуусу көйгөйүнө арналган. Аткарылган иште Кытай регионализи түшүнүгү, Кытайдын эл аралык саясатынын өзгөчөлүктөрү, Кытайдын Борбор Азиядагы ролу каралат. Кытайдын Борбордук Азия өлкөлөрү менен соода-экономикалык жана саясий мамилелеринин өзгөчөлүктөрү аныкталат.

Түйүндүү сөздөр: Глобалдашуу, Регионализм, “Бир алкак - бир жол” демилгеси, Китай, СУАР, Борбордук Азия, Кыргызстан, “Адамзаттын бирдиктүү тагдырынын жамааты”, перифериялык дипломатия, Конфуцийизм, “Батышка жүрүш” саясаты, Жибек Жолунун экономикалык алкагы.

Abstract. This article is devoted to the problems of China's international policy in Central Asia and cooperation with Kyrgyzstan within the framework of the «One Belt - One Way» initiative. The paper examines the concept of Chinese regionalism, the specificity of China's international policy, China's role in Central Asia within the trade, economic, and political relations with the Central Asian republics.

Keywords: Globalization, regionalism, BRI, China, XUAR, Central Asia, Kyrgyzstan, community of shared destiny, peripheral diplomacy, Confucianism, “Go-West” policy, Silk Road Economic Belt

Отличительной чертой международных отношений на современном этапе являются процессы глобализации и регионализации - интеграционных процессов, протекающих на фоне формирования многополярной системы. Возрастает роль Китая в

мировых делах, что обусловлено его растущим значением в связи с численностью населения, второй крупнейшей экономикой мира, с высоким военным потенциалом и технологическими достижениями, а также статусом постоянного члена СБ ООН. Для укре-

пления позиции глобальной державы и реализации национальных интересов в сфере безопасности и экономики КНР поддерживает разнообразные инициативы, направленные на расширение коммуникационных возможностей во всей Евразии и за ее пределами, при одновременном стимулировании развития стран мира. Модель международного сотрудничества, поддерживаемая предложенным КНР инициативой «Один пояс-один путь» (ОПОП), создает новые связи, которые могут изменить экономическую активность, привести к сдвигу в балансе сил как в системе, так и внутри государств.

Большая стратегия (grand strategy) Пекина развивается постепенно и целенаправленно, с учетом тонкого геополитического баланса и критических событий, происходящих в мире. Правительство КНР представляет проект ОПОП как «инициативу, основанную на совместных усилиях государств». В заявлении министра иностранных дел Ван И на пресс-конференции третьей сессии ВСНП 13-ого созыва отмечается, что с момента выдвижения инициативы в 2013 году 138 стран и 29 международных организаций (включая ЕАЭС, ШОС) подписали документы о сотрудничестве с Китаем (в том числе 82 зоны экономического и торгового сотрудничества при участии китайских компаний), было развернуто более 2000 проектов, а товарооборот между Китаем и странами ОПОП превысил 7,8 трлн долл. США, прямая инвестиция Китая в эти страны составила более 110 млрд долл. США. [1] Выступая на Казахско-китайском деловом форуме 7 сентября 2018 года, Председатель КНР Си Цзиньпин выразил, что «политическая координация между странами-участниками ОПОП, постоянно расширяется, интенсивно осуществляются крупномасштабные торгово-экономические проекты, формируется инфраструктурная сеть».

Крупный проект, рассчитанный на соединение КНР с Европой и Африкой, требует обновления существующей и создание новой транспортно-коммуникационной, производственной и энергетической инфраструктурной сети в Евразии. Из чего видно, что Китай, будучи важной составляющей Евразии, придает большое значение развитию геополитических и геоэкономических отношений в континенте, концентрируется на создании экономических коридоров, которые позволят улучшить координацию региональной политики, задача которого активно развивать «сообщество единой судьбы» (community of shared destiny) - комплементарного пространства Китая.

ОПОП, составными частями которого являются «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI в.» (МШП), хоть и имеют форму глобального проекта, прежде всего разработан как проект регионального сотрудничества между КНР и его соседями, как «периферийная дипломатическая» стратегия (zhoubian waijiao). [2] Таким образом, ЭПШП ставит своей целью связать между собой Китай, Центральную Азию, Россию и Европу, соединить Китай через Южную Азию с Индийским океаном и проложить путь из Китая через Центральную Азию к Западной Азии и Средиземному морю. С этой целью страны, наиболее важные для развития ЭПШП, были разделены на категории: 1. Государства Центральной

Азии; 2. Центрально-Азиатские приграничные и соседние страны, такие как Россия, Пакистан, Иран, Афганистан, Турция и др. 3. Германия, Франция, Великобритания, Италия, Украина, Египет, Ливия и Алжир. [3]

Можно заметить как Пекин переосмысливает понимание геополитики Азии, и видение регионального подхода к Центральной Азии. Страны региона уже участвуют в различных интеграционных группах, в том числе в Евразийском Экономическом Союзе (ЕАЭС) при лидерстве России, созданном в 2010 г. (от Таможенного союза), и в альтернативной ему стратегии «Нового Шелкового Пути» (НШП), предложенной США в 2011 году. Данные интеграционные проекты, приносимые в Центральную Азию внерегиональными державами (outside-in) стали важным мотивом, побудившим Китай ответить путем формирования новой региональной модели сотрудничества (second integrative response) – Экономического Пояса Шелкового Пути в 2013 году, что способствовало к созданию нового понимания регионализма Китаем.

«Новый регионализм» определяется Пекином больше, как инклюзивная функциональная интеграция, нежели территориальная. Другими словами, региональное сотрудничество в рамках ЭПШП видится как способ укрепления взаимосвязи (interconnectedness) Китая с внешним миром и увеличения выгоды от глобализации. Данное понимание регионализма, в целом выраженное проектом ОПОП, опирается на тысячелетнюю историю, опыт и культуру Китая, равно как и истоки внешнеполитических дискурсов, таких как «сообщество единой судьбы» (the community of shared destiny), «мирный подъем» (peaceful rise), «китайская мечта» (Chinese dream) или «азиатская мечта» (Asian dream) лежат в традиционных китайских идеях о государственности. Следовательно, китайское понимание регионализма имеет некоторые особенности «системы Тянься» (Tiānxià system) или «мирового порядка», разработанного династией Чжоу три тысячи лет назад, понятии “Wángdào”, что означает “путь подлинного царства” или “людской власти” (Human Authority). К примеру, условия выдвинутые в «системой Тянься» исполняются китайским правительством, подчеркивая преимущество участия ОПОП и призывая к совместному строительству ЭПШП, отмечая их вклад в развитие взаимного экономического сотрудничества и глобальной безопасности, заявляя о строительстве мира основанного на взаимоуважении, на принципе “win-win”, путем разработки соответствующих проектов с учетом интересов всех стран, участвующих в проекте. В итоге, можно сказать, что новое понимание регионализма возникло в результате смещения марксизма, традиции конфуцианства, вышеупомянутых национальных исторических обычаев и культуры, международного политико-экономического порядка, прагматизма и современных европейских понятий регионализма. [4]

В рамках ЭПШП предлагается усиление взаимосвязи Китая и республик ЦА в пяти ключевых направлениях, таких как: координация политики, связность инфраструктуры, упрощение процедур торговли, финансовое сотрудничество и контакты между людьми. Тем не менее, данная политика основывается на прежних (до ЭПШП) внешнеполитических стратегиях

и практиках в отношении региона. Например, важность Центральной Азии в глазах Пекина заключается, прежде всего, в ее географическом положении, которое делает регион неотъемлемой частью прилегающих к Китаю районов, в частности, в силу его географической близости и тесных исторических и культурных связей с СУАР, крупнейшей административной единицей и пограничной территорией КНР со сложным этническим составом, что делает регион целью "периферийной дипломатии" (zhoubian waijiao). По мнению китайских политиков, стабильность ЦА региона имеет стратегическую значимость в связи с необходимостью обеспечения безопасности и экономического развития Синьцзяня, следовательно, территориальной целостности Китая. Граница между Центральной Азией и Китаем протяженностью около 3300 км составляет более половины международной границы Синьцзяня (общая протяженность которой превышает 5600 км), в то время как торговля Синьцзяня с Центральноазиатским регионом составляет более половины всей его внешней торговли. Важность СУАР в политике Китая в Центральной Азии хорошо иллюстрируется ролью Пекина в создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), основная цель которого заключается в обеспечении регионального сотрудничества в борьбе с так называемыми "тремя злами" - религиозным экстремизмом, этническим сепаратизмом и международным терроризмом.

Региональное сотрудничество с республиками ЦА в сфере энергетики имеет огромную значимость для Пекина в связи с его внутренними экономическими и политическими условиями. Стремительный и устойчивый рост экономики Китая за последние три десятилетия породил огромную потребность в импортной энергии. Колоссальные производственные мощности требуют, чтобы Китай импортировал более половины потребности в источниках энергии. Ввиду этого, китайское правительство развивает центральноазиатский вектор энергетической политики, тем самым диверсифицирует международные источники энергии. КНР уже построила три линии Центральноазиатско-китайского газопровода (CACGP) общей проектной мощностью 85 млрд. кубометров в год, которые проходят от Туркменистана через Узбекистан и Казахстан до Хоргоса в китайском Синьцзяне, и по данным Китайской национальной нефтяной корпорации, китайский импорт газа из Центральной Азии составляет более 15% от общего потребления газа в Китае. Также Китай построил свой первый международный нефтепровод, который напрямую импортирует сырую нефть из Казахстана, где китайские компании имеют значительную долю в нефтяном секторе. Стоит отметить, что импорт углеводородных ресурсов приобретает все большее значение для КНР в связи с целями борьбы с загрязнением воздуха, вероятно, самым серьезным социальным вызовом для правительства на сегодня. Соответственно, развитие сотрудничества с ЦА в сфере энергетической инфраструктуры имеет долгосрочное стратегическое значение для КНР.

Центральная Азия занимает особое место в китайской дипломатии по отношению к крупным державам (daguo waijiao), поскольку Китай вынужден действовать согласованно с Россией, которая рассматривает

территорию бывшего Советского Союза в качестве "зоны особых интересов." Все более комплексный характер экономического присутствия Китая в ЦА вызывает опасение Кремля относительно усиления китайского политического влияния в регионе, особенно, на фоне снижения лояльности центральноазиатских государств Москве. Это больше всего заметно в препятствовании России в расширении экономического компонента ШОС, таких как создание Регионального банка развития или Антикризисного фонда. Пекин признает особый статус Москвы в Центральной Азии при одновременном расширении связей с государствами региона посредством двусторонних соглашений. Впрочем, Москва и Пекин смогли установить некое «разделение труда» в Центральной Азии, где Китай достиг значительных успехов в экономической сфере, а Россия сохранила свое влияние в политической, военной и культурной областях. [5] Инициатива ЭПШП, в начале, хотя и вызвала озабоченность Москвы по поводу его влияния на развитие ЕАЭС, после введенных Западом санкций в следствие аннексии Крыма в 2014, заставила Москву пересмотреть свой подход к китайскому проекту, что привело к участию России и сопряжению ЕАЭС с ЭПШП. Поддержка Россией проекта ОПОП значима для Китая не только для развития его центральноазиатской политики, но и в плане комплексного вовлечения Москвы в развитии ЭПШП, особенно в связи с китайско-американской торговой войной.

Несомненно, роль центральноазиатских государств усиливается за счет их географического расположения в центре Евразии и в непосредственной близости от СУАР КНР, в отношении как внутренне, так и внешнего компонентов ОПОП. Принимая во внимание тот факт, что наиболее четко определенной целью ОПОП является диверсификация сухопутных и морских связей Китая со странами Африки и Евразии, Пекин проводит всенаправленную внешнюю политику «марш на запад» (xijìn), делая основной упор на периферийной дипломатии, в противовес провозглашенному президентом Обама курсу «поворот к Азии» («Pivot to Asia»). [6] Соответственно, в новом геостратегическом мышлении Пекина, Центральная Азия воспринимается как «первая база» в политике «марш на запад». Так, в своем выступлении на Центральной конференции КПК по работе, связанной с иностранными делами в ноябре 2014 года Си Цзиньпин подчеркивает важность периферийных отношений в связи с меняющимися глобальными условиями, необходимостью обеспечения внутренней стабильности и роста КНР, и на четвертом Саммите глав государств и правительств Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в 2014 году добавляет, что «развитие является основой безопасности, а безопасность - предварительным условием развития. Для большинства азиатских стран развитие имеет чрезвычайно важное значение для безопасности и является ключевым фактором региональной безопасности... [Азия должна] улучшить качество жизни людей и сокращать разрыв в уровне благосостояния, с тем чтобы укрепить основы безопасности». [7] Подразумевается, что региональное экономическое сотрудничество - это путь к достижению данной цели. На этом пути

между Китаем и странами ЦА были подписаны двусторонние соглашения на миллиарды долларов с акцентом на усовершенствование механизмов взаимодействия в рамках ЭПШП через усиление физической взаимосвязанности и расширение функциональной совместимости для достижения оптимальных взаимовыгодных результатов. Иначе говоря, Пекин обязался инвестировать в совместные инфраструктурные проекты в рамках ОПОП, включая строительство наземных транспортных узлов, таможенных терминалов ускоренной процедуры, морских и воздушных судоходных портов, трансграничных волоконно-оптических магистралей – комплексной международной логистической сети (supply chain network). [8]

Один из важных аспектов ЭПШП заключается в содействии решению проблемы неравенства в области регионального развития страны путем придания импульса «стратегии развития запада» (Xībù Dàkāifā), в том числе придание СУАР статуса «передней линии открытости Китая Западу». В дополнении к китайско-центральноазиатским нефтегазопроводам и железнодорожным узлам Синьцзян станет логистическим центром для трех из шести экономических коридоров: Нового Евразийского наземного моста (NELBEC), Экономического коридора Китай - Центральная Азия - Западная Азия (CCWAEC) и коридора Китай - Пакистан (CPEC). Наземная транспортировка грузов по этим коридорам имеет ощутимое преимущество, к примеру: выходя из внутренних районов Китая через ключевые города ЦА до Европы, перевозка железнодорожным составом занимает от четверти до половины времени морской транспортировки и стоит более чем на 65% меньше авиа доставки. [9] Такое достоинство ЭПШП стимулирует развитие экономики и взаимосвязанность республик ЦА, существенно облегчит трансконтинентальный поток товаров, людей и финансов.

Несмотря на концептуально единую характеристику центральноазиатского региона, имеет место определенная дифференциация приоритетов для каждой отдельно взятой страны и их роли в китайской региональной политике. Кыргызстан, в первую очередь, рассматривается в качестве транзитной страны для выхода на западные рынки, что заметно по итогам первого государственного визита председателя КНР Си Цзиньпин в Бишкек с 10-13 сентября 2013 года для участия в саммите ШОС, где президенты двух стран подписали Совместную декларацию Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики об установлении отношений стратегического партнерства и определили ЭПШП в качестве координационного механизма в развитии и укреплении кыргызско-китайского сотрудничества. [10] В результате двусторонних встреч на высоком уровне также были подписаны другие документы о сотрудничестве в области энергетики, транспорта и финансов: Соглашение по технико-экономическому сотрудничеству, Соглашение о сотрудничестве в строительстве и эксплуатации газопровода «Кыргызстан-Китай» (участка китайско-центральноазиатского газопровода D), кредитное Соглашение по модернизации Бишкекской ТЭЦ, ряд проектов, включая, проект подстанции «Датка» и линии передач ЛЭП 500 «Датка-Кемин», второй этап

проекта строительства дороги Ош-Баткен-Исфана, Бишкек-Балыкчы и кольцевой трассы вокруг озера Иссык-Куль, строительства автодороги Север-Юг, строительства таможенного пункта и автодороги Бишкек-Нарын-Торугарт, железнодорожной станции в Нарыне и трансграничной экономической зоны между Нарыном и СУАР. Президент Си Цзиньпин согласился вложить около трех миллиардов долларов США в инфраструктурные проекты в виде прямых инвестиций и займов Кыргызстану. [11]

В мае 2017 года президент Кыргызстана А. Атамбаев принял участие в первом Форуме высокого уровня по международному сотрудничеству «Один пояс - один путь» в Пекине, где отметил, что Кыргызстан поддерживает идею Си Цзиньпина о строительстве цифрового Шелкового пути и готов к сопряжению концепции ОПОП с национальной программой цифровой модернизации «Таза Коом». Национальная программа «Таза коом» поможет Кыргызстану вступить в новую стадию развития и внести свой вклад в создание цифрового Шелкового пути. Также в рамках двусторонней встречи, которая состоялась во время форума между президентом КР и председателем КНР, был затронут вопрос о строительстве железной дороги «Китай-Кыргызстан-Узбекистан» (ККУЖД), соглашение о строительстве которой может быть подписано осенью 2020 года

Китай также заинтересован в месторождениях горючих ископаемых (уголь, сланец, нефть и газ), золота, серебра, меди и других редкоземельных металлов. По инициативе китайской стороны по регионам Кыргызстана проведены геологоразведочные работы для добычи золота и др., есть примерно 20 китайских компаний, занимающихся поиском, разведкой или добычей. 14 мая 2017 году в Пекине по итогам проведенных консультаций между Министерством экономики Кыргызской Республики и Государственным комитетом по развитию и реформам Китайской Народной Республики был подписан Меморандум об укреплении промышленного потенциала и инвестиционного сотрудничества, в приложении которого составлен список инвестиционных проектов, с целью оказания содействия инвесторам в реализации проектов на государственном уровне двух стран. Некоторые китайские предприятия в секторе полезных ископаемых: ОсОО «Алтынкен» в урочище Талды-Булак (золото), ОсОО «Цзинь Юань» - участок Арсы (золото, олово), ОсОО «ZhongjiMining» - месторождение Бучук (золото), ОсОО «Эгиз-Тор девелопинг» - разведка месторождения Колтор, ОсОО «Чжунтэн» - Кадамжай (сурьма). «Тианди Интернэшнл Майнинг Компани Лимитед» - месторождение Шамбесай (золото), ОсОО Централь Эйжа-Тин компани» - месторождении «Сары-Жаз», Трудовое (олово, вольфрам), ОсОО «Сан хе» - участок «Тундук» (барит), ЗАО «Кичи-Чаарат» - на месторождении Куру-Тегерек (золото, серебро, медь), Lan Motion - Кочкор-Ата, Майлуу-Суу (нефть), Нефтеперерабатывающий завод ОсОО «Чайна Петроль Компани «Джунда» и др. Стоит отметить, что по данным государственной службы миграции КР в 2017 году разрешение на работу получили 11 593 граждан КНР (около 80%) и по сведениям Государственной регистрационной службы КР в 2017 году зарегистрировались 27 566 граждан КНР. [12]

Особую значимость имеет политическое партнерство двух стран в рамках ЭПШП. Еще в 2013 году главы государств определили ЭПШП как инструмент политической интеграции между соответствующими исполнительными и законодательными органами, а совместное заявление об углублении стратегических отношений в 2014 году, включало расширение законодательной базы, политическую согласованность и стратегическую интеграцию. Выступая с речью в Дипломатической академии КР президент Си Цзиньпин отметил, что взаимодействие в рамках ЭПШП привело к многочисленным встречам высокого уровня между двумя государствами, росту политического доверия, и координации политики во внешних и региональных делах на двустороннем уровне и в рамках многосторонних форумов, таких как Организация Объединенных Наций и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Эта позиция формируется за счет понимания Китаем стратегии и некоторых позиционных компонентов Кыргызстана, связанных с внутренней и внешней политикой нашей страны.

В связи с активизацией китайской дипломатии на центрально-азиатском направлении, открывающей новые возможности для сотрудничества и развития, властям Кыргызстана следует начать разработку собственного плана участия в ЭПШП, с учетом всех рисков и выгод, национальных интересов страны.

Литература

1. Министр иностранных дел КНР Ван И о внешней политике Китая [Электронный ресурс]. – Кабар, 25 Мая 2020 – Режим доступа: www.kabar.kg/news/ministr-inostrannykh-del-knr-van-i-o-vneshnei-politike-kitaia/
2. Gallelli, B. *Building a Community of Shared Destiny. The Belt and Road Initiative in the Political Speeches of Xi Jinping* [Текст] / B. Gallelli, P. Heinrich // Mendes, C. *China's new Silk Road. An Emerging World Order* – London: Routledge, 2019. – pp. 21-37
3. Hu, A. *Connotation, Orientation and Path of the One-Belt-One-Road Initiative* [Текст] / A. Hu, W. Ma, Y. Yan // Binhong S., *Looking for A Road. China Debates Its and the World's Future* – Leiden/Boston: BRILL, 2016. – pp. 164-181
4. Zhao, T. *Redefining A Philosophy for World Governance. Key Concepts in Chinese Thought and Culture* [Текст] / Zhao T. (Author), Liqing T. (Translator) – Singapore: Palgrave Pivot, 2019. – p. 85
5. Bitabarova, A. *Unpacking Sino-Central Asian engagement along the New Silk Road: a case study of Kazakhstan* [Текст] / A. G. Bitabarova // *Journal of Contemporary East Asia Studies*, 2018 – 7:2 – pp. 149-173
6. Xiaotong, Z. *China's Eurasian Pivot* [Электронный ресурс] / Z. Xiaotong, M. Belgibayev – *The ASAN Forum*, December 1, 2014 – Режим доступа: www.theasanforum.org/chinas-eurasian-pivot/
7. Песцов, С. Регионализм в интерпретации Китая: Эволюция теоретических взглядов и практической [Электронный ресурс] / С. К. Песцов – Режим доступа: www.cyberleninka.ru/article/n/regionalizm-v-interpretatsii-kitaya-evolyutsiya-teoreticheskikh-vzglyadov-i-prakticheskoy-politiki
8. Reeves, J. *Mongolia's Place in China's Periphery Diplomacy* [Электронный ресурс], *Asia-Pacific Center for Security Studies* – Режим доступа: <http://www.theasanforum.org/mongolias-place-in-chinas-periphery-diplomacy/>
9. Chen, X. *Re-centering Central Asia: China's "New Great Game" in the old Eurasian Heartland* [Электронный ресурс] / X. Chen, F. Fazilov // *Palgrave Communication*, 2018 – 4, 71 – Режим доступа: www.nature.com/articles/s41599-018-0125-5#Fn15
10. *China and Kyrgyzstan* [Электронный ресурс] / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China – Режим доступа: www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zjzg_663340/dozys_664276/gjlb_664280/3185_664332/
11. Reeves, J. *China's Silk Road Economic Belt Initiative: Network and Influence Formation in Central Asia* [Текст] / *Journal of Contemporary China*, 2018. – 27:112 – pp. 502-518
12. Омурова, Ж. *Сотрудничество Кыргызской Республики с Китайской Народной Республикой в рамках проекта «Один пояс – один путь»* [Текст] / Омурова Ж. О. // *Вестник ВолГУ*. – Волга, 2019. – № 5 (24) 4 – с. 236-249.

Рецензент: к. и. н., проф. Маширапов Т.Т.